ЧАСТНОЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ «СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ КОЛЛЕДЖ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ»

ЛЕКЦИЯ 14. ТЕМА 14. ИСТОРИЯ АНТИРОССИЙСКОЙ ПРОПАГАНДЫ

I. Ливонская война — истоки русофобской мифологии

Ливонская война (1558–1583 гг.) стала первым масштабным военно-политическим конфликтом, в ходе которого в Европе была развернута систематическая печатная пропаганда против России. Столкнувшись с быстрой военной катастрофой Ливонского ордена, европейские державы — прежде всего Речь Посполитая и Швеция — оказались перед необходимостью идеологического обоснования собственного вступления в войну. Инструментом такой легитимации стала массовая печатная продукция.

Основным средством пропаганды стали так называемые «летучие листки» (нем. *Fliegende Blätter*, *Zeitungen*) — короткие тексты с гравюрами, печатавшиеся большими тиражами на немецком и польском языках. По данным австрийского историка Андреаса Каппелера, до наших дней сохранилось не менее 62 «летучих листков» времён Ливонской войны антирусской направленности. Советский исследователь Я. С. Лурье установил, что с самого начала войны Русское государство рассматривалось в этих изданиях наравне с Османской империей как главная угроза для Европы.

Содержание «летучих листков» строилось по устойчивому шаблону: Московия изображалась как «варварская», «азиатская» держава, угрожающая христианскому миру; Иван IV сравнивался с библейскими тиранами — фараоном, Навуходоносором, Иродом — и отождествлялся с турецким султаном. Российский историк А. И. Филюшкин определил этот процесс как «историографическую войну», в которой текст служил инструментом символического насилия и средством легитимации территориальных приобретений.

Особую роль в формировании негативного образа России сыграли польско-литовские публицисты. Речь Посполитая обладала интеллектуальной монополией на информацию о России в Европе, поскольку была ближайшим соседом и главным военным противником Московского царства. Польские авторы выстраивали бинарную оппозицию: Стефан Баторий как «идеальный герой» и защитник шляхетских свобод против Ивана IV как «тирана-деспота» и «чумы народов». В период военной кампании Батория (1579–1582 гг.) число издававшихся пропагандистских произведений антимосковской тематики превысило количество всех публикаций за предшествующие двадцать лет войны.

Ключевую роль в трансляции негативных мифов о России сыграл князь Андрей Курбский, бежавший в Литву. Его послания Ивану Грозному, как отмечают исследователи, имели своим истинным адресатом не столько русского царя, сколько европейскую «общественность» — они создавались как пропагандистский материал для европейских элит. Аналогичную функцию выполняло послание 1572 года литовскому гетману Яну Ходкевичу, содержавшее описание репрессий в Русском государстве.

Таким образом, Ливонская война сформировала устойчивый комплекс мифологем: образ России как «анти-Европы», «азиатской тирании», источника постоянной экспансии, а также стереотип о «варварстве» и «дикости» русских. Эти мифологемы воспроизводились в европейской публицистике на протяжении последующих столетий.

II. «Завещание Петра Великого» — антироссийская фальшивка

«Завещание Петра Великого» (фр. *Le Testament de Pierre le Grand*) — один из самых известных подложных документов в истории европейской дипломатии, содержащий якобы стратегический план действий для преемников Петра I по установлению Россией мирового господства. Документ состоит из четырнадцати пунктов и предписывает вести непрерывные войны, разделить Польшу, нейтрализовать Турцию, завоевать Индию и добиться евразийской гегемонии.

Пётр I не оставил завещания — это документально установленный факт. Создание фальшивки было результатом длительного коллективного процесса. По реконструкции канадского историка Ореста Субтельного, отдельные элементы будущего «Завещания» появились ещё в 1706 году в документах трансильванских дипломатов; затем концепция была подхвачена гетманом Филиппом Орликом (1710 г.) и его сыном Григором, через которого стала известна в Париже. Окончательную версию документа исследователи связывают с именем польского генерала-эмигранта Михала Сокольницкого, чей меморандум 1797 года французскому правительству по содержанию близок к тексту «Завещания».

В 1812 году, в год нашествия Наполеона на Россию, текст был опубликован в книге французского публициста Шарля-Луи Лезюра «О возрастании русского могущества с самого его начала и до XIX столетия», написанной по личному указанию Наполеона. В 1836 году вышли «Мемуары кавалера д'Эона», изданные Фредериком Гайярде, который соединил реальные записи французского дипломата шевалье д'Эона с вымыслом о том, что д'Эон якобы выкрал текст «Завещания» из секретного архива в Петербурге. В 1839 году текст был опубликован польским историком Леонардом Ходзко, связавшим «планы» с реальной внешней политикой Петра I; книга выдержала шесть изданий за 1839–1847 годы.

В 1879 году российский историк Евгений Карнович впервые изложил «Завещание» на русском языке с критическим анализом; в том же году появилось первое большое исследование, специально посвящённое доказательству его подложности. Французская исследовательница Симона Блан (1967) и американский историк Раймонд Макнелли (1958) независимо подтвердили, что автором первоначального текста был Сокольницкий.

Несмотря на разоблачение, «Завещание» продолжало использоваться в пропагандистских целях: его публиковали в Германии в 1914 году накануне Первой мировой войны, в гитлеровском рейхе в 1941 году и даже в 1982 году — британский генерал Джон Хеккет цитировал его в книге «Третья мировая война» как доказательство «преемственности целей русской внешней политики». По одной из версий, именно «Завещание Петра» послужило образцом для фабрикации «Протоколов сионских мудрецов».

III. Пропаганда Наполеона Бонапарта

Наполеон Бонапарт был одним из наиболее эффективных пропагандистов своей эпохи. Он лично контролировал содержание французской прессы и давал министерству полиции конкретные указания о том, какие материалы о России следует публиковать. Пропагандистская машина Первой империи функционировала как централизованная система: все газеты находились под контролем министерства полиции, а сам Наполеон ежедневно просматривал парижские и многие региональные издания.

Формирование негативного образа России происходило в несколько этапов. В период союзных отношений (1801–1805 гг.) французская пресса писала о России нейтрально или позитивно; после оформления Третьей коалиции и начала боевых действий (1805 г.) образ России резко изменился — были возрождены архетипические стереотипы о «северной варварской стране», управляемой «деспотом».

Кульминацией стала подготовка к кампании 1812 года. Книга Лезюра, опубликованная по указанию Наполеона, заявляла, что русский флот «внезапно появится в Средиземном море и океане для высадки свирепых орд», которые «заполнят Италию, Испанию и Францию; часть жителей они истребят, другую уведут в неволю для заселения сибирских пустынь». Пропаганда подводила читателей к выводу: «варвары с извечно агрессивным духом» должны быть остановлены превентивным ударом, который и осуществляет «цивилизованная Европа» под предводительством Наполеона.

Особую роль играло «расчеловечивание» противника. Казаки были превращены в символ России вообще — «глотатели свечей» и «пожиратели детей», воплощение «отсталости Российской империи». Этнолингвист Галина Кабакова отмечает, что не известно ни одного свидетельства, подтверждавшего миф о «глотании свечей». Наполеон писал министру внутренних дел Монталиве о необходимости вызвать «ярость и негодование» населения, чтобы каждый «почувствовал необходимость обороняться».

Наполеон планировал представить вторжение как «вторую польскую войну» и «освобождение» поляков, создав буферное государство — «великую Польшу от моря и до моря», включающую отторгнутые от России Украину, Белоруссию и Литву. Однако наполеоновские пропагандисты не пытались вызвать лояльное отношение населения России к армии вторжения — стратегическая ошибка, обусловленная пренебрежительным отношением к противнику.

После поражения в России негативный образ русских сохранился и был закреплён в мемуарной литературе французских офицеров, которые пытались оправдать поражение ссылками на «варварство» русских и суровый климат.

IV. Либеральная и революционная антироссийская пропаганда в Европе XIX века и роль российской революционной эмиграции

После победы над Наполеоном и создания «Священного союза» (1815 г.) Россия воспринималась в Европе как освободительница. Однако это восприятие быстро сменилось на противоположное. Подавление Польского восстания 1830–1831 гг. и Венгерской революции 1849 г. по просьбе Австрии закрепили за Россией титул «жандарма Европы».

Важнейшим фактором формирования антироссийского образа стала книга маркиза Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году» (опубликована в 1843 г.). Кюстин изобразил Россию как «царство фасадов» и государство «тотальной лжи», где люди никогда не будут счастливы из-за отсутствия свободы. Книга стала бестселлером и была названа «библией русофобов»; она до сих пор воспринимается на Западе как «вечная книга» о «вечной России». Термин «русофобия» был введён в оборот в 1836 году английскими радикалами, высмеивавшими преувеличенный страх политиков перед «русской угрозой».

Вокруг антироссийской риторики объединились как консервативные, так и левые круги. Карл Маркс в работе «Разоблачения дипломатической истории XVIII века» писал: «Московия была воспитана и выросла в ужасной и гнусной школе монгольского рабства. Она усилилась только благодаря тому, что стала виртуозом в искусстве рабства». Фридрих Энгельс в 1848 году заявлял, что цивилизованный Запад «имеет только одного действительно страшного врага — Россию». Объяснялось это тем, что Россия как оплот реакции и Венской системы международных отношений противодействовала европейским революциям.

Особую роль в антироссийской пропаганде сыграли польские эмигрантские круги. Польские публицисты ещё в XV–XVI веках создали концепцию, по которой Западная Русь «по праву и на веки вечные» принадлежала Польше; в Европе поляки считались «главными спецами» по России, и европейцы смотрели на неё во многом глазами польской эмиграции. Польский историк Леонард Ходзко, опубликовавший «Завещание Петра» в 1839 году, сыграл решающую роль в популяризации идеи о «захватнических намерениях русских государей».

Значительное влияние на европейское восприятие России оказала русская революционная эмиграция. Александр Герцен, покинувший Россию в 1847 году, основал в Лондоне Вольную русскую типографию (1853 г.), издавал альманах «Полярная звезда» (1855–1868 гг.) и газету «Колокол» (1857–1867 гг.). Издания поднимали острые вопросы внутренней политики России и открыто критиковали власть; «Колокол» читали в Зимнем

дворце. Однако во время Польского восстания 1863–1864 гг. «Колокол» занял откровенно антирусскую позицию, что оттолкнуло многих читателей: тиражи упали с 5000 до 500 экземпляров. Сам Герцен признавал, что в Европе его страну критикуют «не столько за действующий антидемократический режим, сколько за русскую национальность».

Антироссийские настроения достигли апогея накануне и во время Крымской войны (1853–1856 гг.). Советский академик Е. В. Тарле отмечал, что война сопровождалась «всеобщим ликованием во Франции». Французский публицист Эмиль Жирарден в 1863 году писал: «Этот преступник — русский, это татарин, это монгольское варварство, это злой гений азиатской пустыни».

V. Образ большевистской угрозы в подготовке гитлеровской агрессии

Антибольшевистская пропаганда в Германии имела глубокие исторические корни. Ещё в эпоху Веймарской республики (1919–1933 гг.) образ Советского Союза как «врага № 1» был укоренён в немецком общественном сознании. Революция 1917 года, курс большевиков на мировую революцию, пропаганда атеизма усилили опасения немцев перед «восточным соседом».

Важным элементом формирования образа врага стала прибалтийская русофобия, оказавшая влияние на взгляды А. Розенберга — одного из главных идеологов НСДАП. В его публикациях причудливо соединились старая прибалтийская русофобия и антисемитизм, основанный на сфальсифицированных «Протоколах сионских мудрецов». Генерал Рюдигер фон дер Гольц, командовавший немецкими войсками в Прибалтике в 1919 году, сравнивал борьбу с большевизмом с битвой при Легнице, где европейцы остановили «азиатское нашествие».

Гитлер занимал непримиримую позицию. Уже в 1926 году он заявил, что «немецко-русский союз приведёт Германию к самоубийству», а в «Майн Кампф» сформулировал программу порабощения Восточной Европы и расширения «жизненного пространства». 3 февраля 1933 года, вступая в должность рейхсканцлера, Гитлер произнёс речь о «жизненном пространстве на Востоке и беспощадной германизации».

В сентябре 1935 года Йозеф Геббельс впервые публично заявил о «мировой миссии Германии против большевизма». Министерство юстиции в пропагандистских целях опубликовало «главное руководство», в котором борьба против мирового большевизма была объявлена «генеральной линией немецкой политики». Однако в период действия пакта Молотова-Риббентропа (1939–1941 гг.) антисоветская пропаганда в Третьем рейхе была приглушена — с целью усыпить бдительность СССР накануне агрессии.

22 июня 1941 года, после начала вторжения, Гитлер и Риббентроп заявили о «превентивной войне» — якобы Германии упредила грозящее советское нападение. Руководитель гитлеровской прессы Г. Фриче после войны на Нюрнбергском процессе признал: «Никаких оснований к тому, чтобы обвинять СССР в подготовке военного нападения на Германию, у нас не было». Нюрнбергский трибунал установил, что нападение было совершено «без какого-либо предупреждения и без тени законного оправдания» и представляло собой «явную агрессию».

Германская пропаганда представляла войну как «крестовый поход объединённой молодой Европы» против большевизма. Нацистская пропаганда, как отмечают западные специалисты, стала «войной, которую выиграл Гитлер». На оккупированных территорияхргораганда была направлена на создание «доверительного» информационного поля и формирование негативного восприятия советской власти. В конце войны, после Сталинграда, пропагандистский аппарат переключился на запугивание немцев «ужасами русского нашествия» — на плакатах изображался советский солдат, терзающий немецкую женщину.

VI. Антисоветская пропаганда эпохи Холодной войны

После Второй мировой войны бывшие союзники стали противниками. Речь Уинстона Черчилля в Фултоне (5 марта 1946 г.) считается отправной точкой Холодной войны. Информационное противостояние стало одним из её ключевых измерений.

Основным инструментом антисоветской пропаганды стало зарубежное радиовещание. «Голос Америки» начал вещание на русском языке 17 февраля 1947 года. Радиостанция «Освобождение от большевизма» (позднее — «Радио Свобода») начала вещание 1 марта 1953 года. Также на территорию СССР вещали «Немецкая волна» (с 1953 г.), Русская служба Би-би-си, «Радио Ватикана» и другие.

В 1988 финансовом году американское правительство выделило на эти цели 392 млн долларов, включая 169,6 млн на «Голос Америки» и 172,5 млн на «Радио Свобода» и «Свободную Европу». «Радио Свобода» и «Свободная Европа» финансировались через ЦРУ; в 1973 году «Радио Свобода» получило прямое финансирование из бюджета США, минуя ЦРУ.

СССТ систематически глушил передачи зарубежных радиостанций — официально это называлось «радиозащитой». Глушение периодически ослаблялось в периоды разрядки: в сентябре 1959 года во время визита Хрущёва в США, в 1963 году после призыва Кеннеди прекратить Холодную войну, в 1975 году в связи с Хельсинкской конференцией. Окончательно глушение было прекращено 30 ноября 1988 года.

Содержание западного радиовещания включало мировые новости, альтернативную политическую позицию и пропаганду «американского образа жизни» — свободы передвижения, свободы слова и вероисповедания. Советская сторона, в свою очередь, вменяла США несоблюдение прав человека (тема расизма), а США обвиняли СССР в политических репрессиях, системе трудовых лагерей и тоталитаризме.

Холодная война также сопровождалась кампанией против коммунистически настроенных граждан внутри США — так называемый маккартизм. В СССР велась борьба с «инакомыслящими, космополитами, пацифистами и диссидентами».

После распада СССР вещание продолжилось, но финансирование сократилось. Однако в 2010-х годах, на фоне обострения отношений, Совет управляющих по телерадиовещанию США призывал выделять больше средств для «Голоса Америки» и других организаций, чтобы противостоять «публичной дипломатии» России и Китая. В 2025 году администрация президента США Дональда Трампа прекратила финансирование «Голоса Америки» и «Радио Свобода», обвинив их в «радикальной пропаганде» и коррупции.

VII. Мифологемы и центры распространения современной русофобии

Современная русофобия, как отмечают исследователи, опирается на устойчивый комплекс мифологем, формировавшихся на протяжении столетий. По классификации, предложенной в академической литературе, ключевыми мифологемами являются:

1. **Деспотизм власти** — любой сильный правитель России воспринимается на Западе как «деспот и тиран»; антитезой выступают «свободные, демократичные и либеральные порядки» стран Запада.
2. **Варварство, дикость и отсталость** — Россия как «не-Европа» или «Европа второго сорта».
3. **Тотальное рабство подданных** — стереотип о «рабской психологии» русского народа, послушном орудии в руках деспотичной власти.
4. **Неизменный экспансионизм** — приписывание русским имманентного стремления к постоянной экспансии, усиленного «православным мессианством».

Швейцарский публицист Ги Меттан в книге «Запад — Россия: история русофобии» охарактеризовал русофобию как историческую особенность европейского менталитета, имеющую глубокие корни. Российский исследователь Н. Я. Данилевский ещё в XIX веке

первым научно опроверг теорию линейного прогресса, согласно которой Запад является «высшей формой цивилизации», а все остальные страны — «варварством».

В современной международной системе исследователи выделяют несколько национально-исторических подвидов русофобии:

• **Комплекс «несостоявшейся великой державы»** — связывается с Польшей, чья элита утратила великодержавный статус и имеет исторические обиды на Москву.

• **«Ущемлённая историческая память»** — миграционного происхождения; особенно проявляется в Северной Америке (Канада, США), куда переселенцы из Восточной и Центральной Европы привозили «груз прежних культурных и политических фобий».

• **Русофобия как «субститут отсутствующего экономического курса»** — использование фактора внешней угрозы для отвлечения масс от реальных внутренних проблем.

• **Скрытая форма** — связывается с политикой Германии, которая, по оценкам наблюдателей, «не столько открытая, сколько скрытая форма русофобии».

Средствами распространения антироссийских мифологем в современную эпоху выступают: глобальные медиа, социальные сети, кинематограф (в частности, американский, где «русская тематика» эксплуатируется с устойчивым образом русских как врагов), а также политические и экспертные центры. Ф. М. Достоевский ещё в XIX веке объяснял причину «нелюбви Запада» тем, что Россия «несёт идею вовсе не ту, чем они, в человечество». Анатоль Леруа-Больё, французский историк конца XIX века, стремившийся к объективному пониманию России, тем не менее находился «в плену стереотипов» — рост объёма информации о России не приводил к изменению стереотипных представлений.